

УДК 343

С.М. Храмов

ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ И ЛАТЕНТНОЙ ЕЕ ЧАСТИ В XVII–XVIII ВВ.

Статья посвящена зарождению европейского учения о преступности и латентной ее части в XVII–XVIII вв. С использованием имеющихся научных источников определяется возможность изучения латентной преступности в рассматриваемый период. Прослеживается генезис философско-правовых представлений выдающихся европейских просветителей Нового времени о преступности. Отмечается, что наибольший вклад в формирование отрасли научного знания, изучающей различные проявления преступности, внесли Т. Гоббс, Ш. Монтескьё и Ч. Беккариа.

Введение

Борьба с преступностью остается одной из самых актуальных проблем современности. Немаловажную роль в противодействии криминалитету играют прикладные научные исследования, истоки которых уходят в далекое прошлое. Первые упоминания о преступности деяний и их безусловном порицании встречаются еще в Библии. Например, в книге пророка Исая (5: 23) имеются такие строки: «Князья твои законопреступники и сообщники воров, все они любят подарки и гонятся за мздою», «Горе тем, которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного» [1, с. 65]. Однако период зарождения и начальная стадия формирования обособленного учения о преступности остается малоисследованным.

Изучая вопросы латентной преступности, авторы в основном ссылаются на работы, написанные в XX – начале XXI вв. [2]. Вместе с тем данная проблематика волновала умы европейских ученых уже более 300 лет назад. Их теоретического исследования до сих пор представляют определенный научный интерес. В этой связи уместно привести мнение Н.С. Таганцева о том, что теоретик, изучающий право, а в особенности законодатель, его реформирующий, не должен отречься «без нужды и повода от наследия предков» [3, с. 22].

Учение о преступности с самого зарождения «имело интегрированный характер» [4, с. 6], т.е. систематизация знаний о преступлении осуществлялась на основе господствующих в юриспруденции научных подходов, среди которых превалировал естественно-правовой. Само по себе историко-правовое исследование зарождения научных представлений о преступности неизбежно позволяет обнаружить недостатки и противоречия существовавших учений. Но их основная ценность заключается в том, что пройдя проверку временем, они доказали свою жизнеспособность и состоятельность.

Определение возможности изучения латентной преступности в XVII–XVIII вв.

400 лет назад представления о преступности, в том числе и латентной, формировалось по мере развития не только юридической, но и философской, философско-правовой, психологической, социологической и других наук. Спецификой рассматриваемого периода являлось то, что латентная преступность объективно существовала, но само явление отдельному анализу не подвергалось. В данном контексте понятие латентной преступности первоначально было имплицитно общему понятию преступности.

Сложность в научно-правовом исследовании существовавших воззрений заключается в том, что не все письменные источники дошли до нашего времени. Например, начиная с 1725 г. в Петербургской Академии наук на кафедре правоведения вопросы, связанные с преступностью, изучали профессора Бакенштейн, Гросс, Штрубе де Пирмонт и Федорович. К сожалению, работы этих ученых не сохранились, да и фамилии самих ученых мы знаем только из источников XIX века [5, с. 281].

В 1755 году был открыт Московский университет. С первых дней в университете преподавал право доктор Венского университета Филипп Дильтей (ум. в 1781 г.). Первым русским профессором права стал ученик Дильтея Семен Ефимович Десницкий (ум. в 1789 г.). Десницкий занимался не только вопросами, связанными с преступностью, но и другими юридическими проблемами (государственное, римское, гражданское право). Не случайно выдающийся ученый Н.С. Таганцев с уважением называл его отцом русской юриспруденции [3, с. 25].

Становление и развитие учения о преступности шло параллельно с постепенным признанием в европейских государствах общечеловеческих ценностей, которые чрезвычайно важны для правовой науки и практики как во внутреннем, так и в международном аспектах. Ведь именно эти ценности способствуют формированию нравственной системы права поскольку выкристаллизовывают во всей полноте такие категории, как совесть, справедливость, честь, достоинство, милосердие. Основы современного учения о преступности и ее латентных проявлениях заложили такие крупные мыслители Нового времени, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза. Нормы права дедуцировались этими авторами не непосредственно из божественной воли, а из общего «естественного закона». По их мнению, склонность к преступлению была изначально заложена в человеческой природе.

Решение проблемы преступности виделось в реализации идеи гуманизации общественной жизни. Гуманное отношение к человеку прежде всего представлялось в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества.

Сохранившееся правовое наследие перечисленных авторов позволяет сформулировать гипотезу о том, что по настоящее время не утрачена возможность теоретического изучения представлений о преступности и латентной ее части, господствовавших в европейских странах в XVII–XVIII вв.

Криминологические воззрения европейских просветителей Нового времени

Говоря о представителях Нового времени, выделим прежде всего англичанина Томаса Гоббса и француза Шарля Луи Монтескье, внесших наиболее значительный вклад в развитие криминологической науки. Многие идеи, высказанные этими учеными, актуальны по сей день.

Правовые исследования английского философа Томаса Гоббса (1588–1679) являются образцом востребованного обществом прикладного научного мышления. Его основные взгляды о преступности изложены в сочинении, именуемом «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [6].

Т. Гоббс определял преступление как «грех, заключающийся в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает» [6, с. 226]. Из этого определения следовало, что всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление. Там, где прекращается право, нет и преступлений. Английский

ученым достаточно определенно сформулировал принцип, обсуждение которого до сих пор неизбежно приводит к правовым дискуссиям: «Незнание гражданского закона иногда может служить оправданием» [6, с. 227]. Далее Т. Гоббс уточняет: «Если гражданский закон объявлен в стране не в столь ясной форме, чтобы каждый при желании мог знать его, или сам поступок не противоречит естественному закону, незнание гражданского закона является достаточным оправданием. В других случаях незнание гражданского закона не служит оправданием» [6, с. 227–228].

Аналогичный подход, принятый через несколько столетий в качестве одного из основных принципов уголовного права, высказывался Т. Гоббсом и по поводу взаимосвязи преступного деяния и наказания. «Незнание наказания там, где закон объявлен, никому не служит оправданием. Ибо, нарушая закон, который при отсутствии страха наказания был бы не законом, а пустым словом, человек тем самым приемлет наказание, хотя он не знает, каково оно, так как всякий добровольно совершающий какое-нибудь действие приемлет и все заведомо вытекающие из этого действия последствия» [6, с. 228].

В сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббс разделял преступления на различные категории в зависимости от степени их общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Он также рассуждает по поводу безнаказанности [6, с. 236]. В дальнейшем это позволило криминологам сформулировать важнейший постулат о том, что безнаказанность порождает новые преступления. Это же тем более справедливо для латентной части преступности.

Т. Гоббс неоднократно подчеркивал, что человек становится склонным к общественной жизни не по природе, но вследствие воспитания. Налицо излишняя категоричность величайшего гуманиста XVII в., поскольку «никакая гуманизация общественных порядков и институтов не уничтожает противоречий между обществом и человеком, между большинством и меньшинством» [7, с. 118]. Одним из проявлений этого противоречия являлось и является наличие преступности, включая латентную ее часть.

Еще один видный просветитель Нового времени – французский философ и правовед Шарль Луи Монтескье (1689–1755) – в своем труде «О духе законов» [8] рассмотрел уголовные законы в их соотношении с государственным устройством.

По мнению Монтескье, от качества уголовных законов, которым он придавал чрезвычайно важное значение, напрямую зависит свобода и безопасность граждан. Потому этими законами человечество должно интересоваться всего более. Всякое наказание, которое не вызывается необходимостью, согласно Монтескье, есть не что иное, как тирания. В этой мысли, как и в той, что предупреждение преступлений важнее их наказаний и что для этого следует заботиться «об утверждении благонравия», можно видеть первую теоретическую предпосылку построения стройной системы государственной борьбы с преступностью и противодействия ей. Действительно, развивать и «прививать» к общественной жизни «здоровые нравы», или, как еще иначе выражается Монтескье, «благонравие», предназначенное устроить и направлять эту жизнь, – все это в сущности равнозначно содействию в устранении нарушений режима законности и правопорядка в обществе. Наилучшие же средства достижения этой цели, как справедливо утверждал Монтескье, – это широкие меры предупреждения, сводящиеся к упорядочению условий общественной жизни.

Монтескье понимал, что бороться с преступностью во всем многообразии ее проявления невозможно одними только превентивными мерами, какими бы

эфектыўнымі они ни были. Должна быть разработана четкая система уголовных наказаний за совершенные преступления. Наказание, по мнению Монтескьё, не должно быть произвольно; оно должно соответствовать собственной природе совершенного преступления. При этом он подчеркивал, что в правовой теории не следует смешивать области «божеских законов» и законов человеческих. Последние не должны порождать того, что, по самому существу, относится к области первых, т.е. моральных требований и императивов. Это одно из важнейших положений учения Монтескьё. Оно обосновывает свободу совести и убеждений человека. Если вспомнить, что гуманистические идеи высказывались в эпоху чрезмерно жесткого насилия, особенно в области веры и духовной жизни вообще, то становится понятной исключительная значимость положения Монтескьё о свободе совести и убеждений.

Монтескьё в своем учении делил все преступления на четыре категории:

- 1) преступления против религии,
- 2) преступления против нравов,
- 3) преступления против спокойствия,
- 4) преступления против безопасности.

Исходя из положения, что любое наказание должно соответствовать преступлению, должно вытекать из самой его сущности, Монтескьё утверждал, что оскорбления религии должны повлечь за собой только утрату тех возможностей, которые предоставляет религия: исключение из общества верующих, удаление из храма и т.д., но не более того.

За преступления против нравов или нравственности он рекомендовал назначать наказания исправительного характера, соответствующие природе преступлений: денежные наказания, которые должны соизмеряться с состоянием виновного и соединяться с «бесчестьем», чтобы быть чувствительными и для богатых (публичное посрамление, исключение из общества, удаление из города).

Преступления против спокойствия граждан должны вызывать ссылку и различные меры исправительного характера. И только одни преступления против безопасности должны были, по замыслу Монтескьё, сопровождаться суровыми карами. Доказывая, что жестокость наказаний огрубляет и ожесточает нравы общества, настаивая на мысли, что большая свобода связывается в государстве и с более мягкими наказаниями, потому что если общество пребывает в состоянии благополучия, то нет нужды в качественном или количественном увеличении кар, Монтескьё в то же время не отрицал смертной казни. Он допускал ее применение к наиболее опасным преступлениям, нарушающим безопасность: к тяжким государственным, к убийствам и покушениям на них.

«В умеренных государствах, – писал он, – любовь к родине, стыд и страх порицания представляют собой сдерживающие мотивы, которые могут воспрепятствовать совершению многих преступлений. Наибольшим наказанием дурного деяния будет в них изобличение в этом деянии. Гражданские законы в них будут более легко исправлять и не будут нуждаться в особой силе. В таких государствах способный законодатель будет менее заботиться о наказании преступлений, нежели о их предупреждении. Он будет более стремиться воздействовать на нравы, нежели назначать применение страданий. Было бы легко доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания уменьшались или увеличивались, по мере большего или меньшего приближения к свободе. Опыт показывает, что в странах, где наказания мягки, граждане устрашаются ими настолько,

насколько они устрашаются в других странах наказаниями суровыми. Не должно вести людей исключительными путями. Надо бережно относиться к средствам, которые природа предоставляет нам для их руководства. Пусть исследуют причины каждой распушенности и тогда увидят, что она кроется в безнаказанности преступлений, а не в мягкости наказаний» [8, с. 201].

Критикуя основы феодального законодательства и абсолютистских представлений о праве, Монтескьё выступал против имевшего в то время место чрезмерного расширения понятия «оскорбления величества», т.е. оскорбления монарха, и признает верхом произвола подведение нескромных слов, для которых достаточно простого исправительного наказания, под это понятие. Такое подведение, влекущее за собой смертную казнь, несовместимо, по мнению Монтескьё, с действительной свободой общества и человека. При этом Монтескьё вообще предостерегал против назначения одинаковых наказаний за различные по тяжести преступления, потому что тем самым преступник может побуждаться к совершению более тяжких преступлений.

Критики по-разному оценивали сочинение Монтескьё «О духе законов». В частности, обращалось внимание на то, что «Монтескьё принадлежит к числу тех многих авторов, которых каждый как будто знает, но которых очень немногие читают» [9, с. 136]. «Всякий, имеющий очи, чтобы видеть, – писал К. Ильберт, – может сразу усмотреть, что предметом сочинения были различные законы, обычаи и нравы народов мира» [9, с. 156]. Руссо, высоко оценивая талант Монтескьё, отмечал, что «он ограничился изучением современного права существующих правительств... Однако... дабы составить верное представление о том, что существует, надобно знать, что должно быть» [10, с. 339–340]. В 1900 г. М.М. Ковалевский указывал: «Дух законов» в строгом смысле слова не более как трактат по сравнительной истории права» [11, с. 1]. Современные исследователи обращают внимание на то, что учение «о позитивных законах – это центральная тема труда «О духе законов» [12, с. 263]. Французский исследователь творчества Монтескьё Л. Альтюссер еще более решительно утверждал, что он разрывает без сожаления с теоретиками естественного права. Против такой оценки взглядов Монтескьё в отечественной литературе выступает Н.М. Азаркин, который, хотя и с оговорками, считает эти взгляды естественно-правовыми [13, с. 77].

Несмотря на различные точки зрения, можно однозначно утверждать, что исследования Монтескьё в области права оказали чрезвычайно сильное влияние на современников. Труды Монтескьё ознаменовали собой важный этап в эволюции правовых понятий и создали теоретические предпосылки для развития криминологической науки, изучающей преступность, в том числе латентную ее часть.

Представления о преступности, господствовавшие во второй половине XVIII в.

Не менее важными для становления учения о преступности и латентной ее части явились криминологические взгляды сторонника прогрессивно-гуманистического направления в праве итальянского юриста Чезаре Беккариа (1738–1794), изложенные в его широко известной работе «О преступлениях и наказаниях» (1764) [14].

Беккариа был убежден, что любой человек, наделенный разумом и волей, в раной мере способен совершить преступления или воздержаться от него. Все зависит от сделанного им выбора, который, в свою очередь, определяется тем, насколько данный индивид усвоил твердые правила поведения, вырабатываемые в процессе воспитания. Чтобы удержать человека от преступления, надо противопоставить ему наказание, соответствующее по своей тяжести преступлению. Уголовные наказания, согласно

убеждениям Беккариа, непосредственно поражая чувства и длительно запечатлеваясь в уме, уравновешивают силу впечатлений, порождаемых той или иной страстью, противостоящей общественному благу.

Беккариа настаивал на том, чтобы законы были доступны и понятны народу, чтобы каждый сам мог судить о последствиях, которые могут вызывать его собственные действия для его свободы и его благ, иначе он будет находиться в зависимости от небольшого числа людей – хранителей и истолкователей законов.

Принципиальная позиция Беккариа состояла в том, что «истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу» [14, с. 226]. Вместе с тем он последовательно выступая против пыток и жестоких казней. Беккариа отмечал, что страны и века, где и когда применялись наиболее жестокие мучения, были в то же время странами и эпохами наиболее ужасных преступлений. Тот же дух жестокости, который диктовал кровавадыне законы законодателю, влагал и кинжал в руки убийцы и отцеубийцы. По мере того, как мучения становятся более жестоки, душа, будучи подобна жидкостям, которые всегда устанавливаются на уровне окружающих предметов, ожесточается возобновляющимся зрелищем варварства. Привыкают к ужасающим мучениям и, после сотни лет увеличивающейся жестокости, страсти, всегда деятельные, менее сдерживаются колесом и виселицею, нежели прежде они сдерживались тюрьмой.

Беккариа был убежденным противником применения в качестве уголовного наказания смертной казни. Возможность смертной казни он допускал только в двух исключительных случаях: во время анархии и тогда, когда продолжение существования того или другого гражданина, несмотря на лишение его свободы, все-таки может произвести опасную революцию. При спокойном же господстве законов лишение жизни гражданина не может быть необходимо, в том числе и в качестве средства превенции преступлений.

Свое убеждение относительно недопустимости применения смертной казни за совершение преступлений Беккариа аргументировал тем, что смертная казнь никогда не удерживала злодеев, решившихся вредить. Жестокость наказания производит на человека меньшее впечатление, нежели его продолжительность. Чем более скоро наказание будет сопровождать преступление, тем оно будет более справедливо и полезно. Не жестокость мучений более надежно предупреждает преступления, а неизбежность наказания, утверждал Беккариа.

Многие передовые идеи Беккариа были подвергнуты критике его современниками. Например, один из крупных защитников старого порядка в уголовной литературе Жусс писал: «Эта книга содержит в себе систему самых опасных новых идей, усвоение коих может привести только к ниспровержению существующего порядка в образованных нациях; эта книга нападает на религию, нравы, на самые священные обязанности» [3, с. 101]. Геттингенский профессор Клапрот по поводу труда Беккариа говорил, что итальянский маркиз недостаточно знаком с уголовным правом, чтобы о нем сколько-нибудь основательно рассуждать. Доминиканский монах из монастыря Валламбрез Виценцо Факиней де Корффри признавал сочинение Беккариа ужасным, ядовитым, проникнутым пагубной распушенностью, постыдным, нечестивым.

На все эти нападки, дышавшие неудержимой злобой, Беккариа отвечал спокойно и с достоинством. Он заверил своих многочисленных критиков, что не будет переходить на личности.

Еще одним видным европейским ученым, чьи работы повлияли на развитие учения о преступности, является немецкий правовед Даниэль Неттельбладт (1719–1791). Он одним из первых поставил вопрос о необходимости разграничения между философией и правом. Учебник Д. Неттельбладта по естественному праву пользовался широкой популярностью среди студентов того времени (русский перевод «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаправленное к употреблению основания положительной юриспруденции». – М., 1770). Данный учебник являлся базовым при преподавании Ф. Дильтема права в Московском университете. С 1775 г. Д. Неттельбладт возглавил юридический факультет в Университете Халле, где ранее долгое время являлся профессором права. Д.А. Безбородов утверждает, что «Д. Неттельбладт в своих учениях о праве был до известной степени только систематизатором догмы действовавшего в его время в Европе права» [15, с. 154]. Вместе с тем его влияние на отечественную уголовно-правовую и криминологическую мысль трудно переоценить.

Заклучение

Правовые исследования выдающихся просветителей Нового времени способствовали зарождению в XVII–XVIII вв. и дальнейшему становлению учения о преступности и латентной ее части. Дошедшие до нас научные взгляды и суждения виднейших европейских мыслителей Т. Гоббса, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и некоторых других ученых рассмотренного периода сыграли существенную роль в формировании научного знания о преступности. Общее в их правовой концепции было то, что преступные склонности индивида объяснялись прежде всего его внутренними качествами. В целом XVII–XVIII вв. в истории зарождения европейского учения о преступности являются эпохой, когда были разработаны фундаментальные понятия криминологии, хотя сам термин «криминология» был введен значительно позже. Именно в этот период стало складываться осознание необходимости теоретического изучения всех проявлений преступности, в том числе латентной ее части.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мысловский, Е. Истина и справедливость / Е. Мысловский // Чистые руки. – 2000. – № 4. – С. 65–71.
2. Иншаков, С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : моногр. / С.М. Иншаков [и др.] ; под ред. С.М. Иншакова. – М. : ЮНИТИ, 2011. – 840 с.
3. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : Часть общая. Лекции. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Гос. тип., 1902. – 823 с.
4. Кузнецов, А.П. Актуальные проблемы совершенствования качества подготовки юристов в современных условиях // А.П. Кузнецов, Н.Н. Маршакова // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 6–14.
5. Коркунов, Н.М. История философии права. Пособие к лекциям / Н.М. Коркунов – 6-е изд. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 508 с.

6. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Соч. в 2 т. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 643 с.
7. Гобозов, И.А. Введение в философию истории / И.А. Гобозов. – М. : Ассоциация «гуманитарное знание» ; Теис, 1993. – 307 с.
8. Монтескьё, Ш.Л. Избранные произведения / Ш.Л. Монтескьё / под общ. ред. М.П. Баскина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 800 с.
9. Ильберт, К. Монтескье / К. Ильберт // Журнал министерства юстиции. – 1904. – № 7. – С. 136 – 156.
10. Руссо, Ж.Ж. Сочинения / Ж.Ж. Руссо. – Калининград : Янтарный сказ, 2001. – 416 с.
11. Монтескьё, Ш.Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. / Ш.Л. Монтескьё / пер. под ред. А.Г. Горнфельд / вступ. ст. М.М. Ковалевский. – СПб. : Изд-во Л.Ф. Пантелеев, 1900. – 800 с.
12. Козлихин, И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта : курс лекций / И.Ю. Козлихин. – СПб. : Юрид. центр Пресс. 2001. – 384 с.
13. Азаркин, Н.М. Монтескье / Н.М. Азаркин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 126 с.
14. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 462 с.
15. Безбородов, Д.А. О формировании института совместного преступного деяния в российском уголовном праве XVIII века / Д.А. Безбородов // Журнал рос. права. – 2006. – № 3. – С. 152–158.

Chramov S.M. Origins of European Study on Crime and its Latent Part in the XVII –XVIII Centuries

The article is devoted to the emergence of European studies of crime and latent criminality in XVII–XVIII centuries. With the use of available scientific sources is determined by the possibility of studying delinquency in the period under review. The genesis of philosophical and legal views of prominent European philosophers of the New Time on crime. It is noted that the greatest contribution to the formation of branches of scientific knowledge, the study in various manifestations of crime, have made T. Hobbes, S. Montekse and C. Beccaria.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.03.2011